

Сысоева Ольга Алексеевна

МОТИВ БЛУДНОГО СЫНА В ПОЭЗИИ Т. КИБИРОВА (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ "ГРЕКО- И РИМСКО-КАФОЛИЧЕСКИЕ ПЕСЕНКИ И ПОТЕШКИ")

Данная статья посвящена творчеству одного из ярких современных поэтов Тимура Кибирова. Авторская стратегия диалогических отношений рассматривается на примере книги "Греко- и римско-кафолические песенки и потешки". Задачей исследования становится определение особенностей функционирования архетипического мотива о блудном сыне. Показывается, что под влиянием новых исторических и культурологических условий образуется новое сообщение о разрешении извечного конфликта поколений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-1/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. I. С. 189-191. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-1/-9

Филологические науки

Данная статья посвящена творчеству одного из ярких современных поэтов Тимура Кибирова. Авторская стратегия диалогических отношений рассматривается на примере книги «Греко- и римско-кафолические песенки и потешки». Задачей исследования становится определение особенностей функционирования архетипического мотива о блудном сыне. Показывается, что под влиянием новых исторических и культурологических условий образуется новое сообщение о разрешении извечного конфликта поколений.

Ключевые слова и фразы: Тимур Кибиров; поэтика; сюжет; мотив; архетип; блудный сын.

Сысоева Ольга Алексеевна, к. филол. н.

*Дальневосточный государственный гуманитарный университет
helgats@yandex.ru*

**МОТИВ БЛУДНОГО СЫНА В ПОЭЗИИ Т. КИБИРОВА
(НА ПРИМЕРЕ КНИГИ «ГРЕКО- И РИМСКО-КАФОЛИЧЕСКИЕ ПЕСЕНКИ И ПОТЕШКИ»)[©]**

Мотив блудного сына является одним из сквозных архетипических мотивов в русской литературе. Так, А. В. Чернов полагает: архетип блудного сына, означен и определяющ, им задан ритм не только отдельной частной жизни, но и всей мировой истории [4, с. 152]. Притча о блудном сыне, изложенная в Евангелии от Луки, рассказывает о конкретном событии. Ю. В. Шатин представляет сюжетную схему притчи следующим образом: требование младшего сына о разделе имущества – раздел – уход сына из дома – распутная жизнь – разорение и голод – работа свинопасом – просьба к отцу принять его наемником – возвращение – радость отца – пир – ропот старшего сына – мораль: “надо было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил; пропадал и нашелся” [6, с. 36-37]. Не менее значим второй, символический план сюжета притчи. Прежде всего, притча говорит об обретении Дома духовного через смирение гордыни. На метафизическом уровне в сюжете притчи можно указать следующие мотивы: отпадение человека от Бога (веры) – искушения его плоти и духа – духовная смерть – покаяние – воскресение, возвращение в Дом Отца.

В истории русской (и мировой) литературы текст евангельской притчи с его формой образного моделирования реальности и содержательным потенциалом неоднократно осмыслился индивидуально-авторским сознанием. Архетипический сюжет о блудном сыне выступал в таком случае смыслопорождающим, сюжетообразующим компонентом в структуре художественного произведения. По мысли В. А. Беглова, чем более зрелой выступает литература, тем более *архетипически* ориентированным оно себя проявляет. Архетипы – это своего рода знаки самоидентификации элементов внутреннего мира литературного произведения... себя в пространстве и времени [1, с. 95]. Архетип, всегда сохраняя свое значение и функции, не разрушается, а только видоизменяется, проявляя себя в новых формах на разных исторических этапах.

Говоря о современной литературе, необходимо учитывать такую ее характеристику, как «вторичность», то есть восприятие действительности сквозь призму уже накопленного предшествующего культурного опыта, который становится своеобразным ключом к «расшифровке», «раскодированию» нового произведения. При анализе современных произведений необходимо рассматривать дихотомию «первичных» и «вторичных» моделей как особую форму выстраивания стратегии диалогических отношений. Творчество современного поэта Тимура Кибирова особенно показательно в этом плане. Причем можно выделить как круг особенно почитаемых им имен писателей, с которыми его произведения вступают в диалог, так и источники, культурологические, философско-религиозные, исторические и другие, выполняющие функцию «первичных» моделей.

В данной работе мы обратимся к созданному в 2009 году циклу стихотворений «Греко- и римско-кафолические песенки и потешки», а именно к стихотворению «Блудный сын», в котором «вторичная» модель вступает в своеобразный диалог с евангельским сюжетом, переосмысляя его. Андрей Немзер охарактеризовал этот цикл следующим образом: «...Миру явилась едва ли не лучшая (и уж точно самая цельная и стройная) книга Тимура Кибирова... Ее одной хватило бы на оправдание современной словесности» [3]. Думается, что одной из причин подобной весьма лестной характеристики можно назвать обращение поэта к ряду архетипических сюжетов русской культуры.

Само стихотворение «Блудный сын» необходимо отнести к жанру сиквелов (продолжений), так как сюжет его начинается с момента завершения евангельской притчи:

Ах, как вкусен упитанный был телец!

И отёр счастливые слёзы отец [2].

Через некоторое время ситуация меняется: младшему сыну стало скучно жить и муторно спать, в поисках воли и «веселой жизни» он опять покидает семью. Старший брат «зудит»: «А ведь я говорил! / Вот как он вам, папенька, отплатил!» [Там же], а отец молча плачет.

Процесс трансформации сюжетной первоосновы образует новое сообщение о разрешении извечного конфликта поколений, в котором мотив блудного сына также играет сюжетообразующую роль. Повышенный вес приобретает в стихотворении Т. Кибирова организация чисто событийного материала: его расположение, подведение под известные модели и сюжетные схемы («Ой вы дали синие, ой кабаки! / Ой вы крас-

ные девки, лихие дружки!.. Ой ты волюшка, вольная воля!»; , Сколькo волка ни кормишь – он смотрит в лес! / Грязь свинья найдёт! Не уймётся бес!ї; , Мы, похоже, не можем иначе! [Там же]). Смыслорождающие функции трансформаций сюжета-архетипа репрезентированы через фольклорные и литературные модели. В механизме моделирования актуальных сюжетов наиважнейшую роль играют координаты смыслового пространства сюжета-архетипа, в него включаются не только текст-первооснова, а также многочисленные варианты, существующие в древнерусской литературе, русской классической литературе XIX века (, Станционный смотрительї А. С. Пушкина, , Тарас Бульбаї Н. В. Гоголя, , Отцы и детиї И. С. Тургенева и другие), Серебряного века (стихотворения В. Я. Брюсова, Н. С. Гумилева, поэмы М. И. Цветаевой и другие).

Е. М. Четина говорит о парадоксе, связанном с культурологизацией религии, закономерно вызывающей , демонстративные актуализацию и ценностно-смысловую трансформацию евангельских образов и сюжетов в искусстве Нового времениї [5, с. 92]. Раскрывая миф как замкнутое структурное образование, исследовательница выделяет два уровня трансформации евангельского мифа:

1) Внешний уровень. Сюжетная ситуация претерпевает формальное изменение: снимаются внешние изобразительные каноны, но суть мифа – ценностно-смысловая внутренняя организация – не меняется.

2) Внутренний уровень наступает тогда, когда происходит парадоксальная трансформация смысла, изменение системы оценок (, +ї на , –ї) как следствие , опыта адогматического мышленияї [5].

В стихотворении Т. Кибирова нам представлен первый уровень трансформации. Формально поэт продолжает евангельский сюжет (пишет сиквел притчи), однако ценностно-смысловая организация не меняется.

Природа греха евангельского блудного сына связана с внутренним падением и фактическим отречением от отца. Проявленные человеческие качества героя повлияли на стратегию жизненного поведения и повлекли за собой череду дурных поступков, в которых взяли верх биологические потребности над потребностями социальными и духовными. Но в итоге потерянное достоинство сына оказалось важнее материальных благ, полученных в наследство. Оно было ему возвращено не только через покаяние, но и благодаря кротости и смирению Бога-Отца, противопоставленные эгоизму, блуду и праздности сына.

Образ блудного сына в стихотворении современного поэта соответствует, скорее, некоему народному типу: молодой, своевольный, свободолюбивый, любящий красивую и веселую жизнь и т.д. (, Не с руки пацану подыхать с тоски, / Ой ты волюшка, вольная воля!»; , Наливай, давай! / Загулял опять твой сыночек!» [2]). Обретенный в итоге предшествующих блужданий новый взгляд на себя, окружающий мир оказывается у героя недолговечным. Однако Тимур Кибиров в данном случае говорит о человеческой природе вообще.

Обратим внимание на образ отца, представленный в тексте Т. Кибирова. В самом стихотворении он ничего не говорит (мы слышим только голоса двух сыновей), автор упоминает об отце только в начале первой строфы (, И отер счастливые слезы отецї [Там же]), и в финале мы узнаем об отце через слова старшего сына (, Пап, ну пап, ну чего ты плачешь?ї [Там же]). Как и в евангельской притче, любовь предстает самым существенным свойством отца, она же составляет и все существо духовной жизни. Главным свойством истинной любви выступает бескорыстная жертвенность. Истина, выраженная через любовь отца (Бога-отца) к своим детям, способствует примирению.

Тема истинной любви становится центральной в стихотворении Тимура Кибирова. Его притча представляет, прежде всего, отношения человека и Бога-Отца. Бог, создав человека, наделил его индивидуальностью и творческим даром, реализация которого зависит от него самого, и Творец, храня свободу его воли и выбора, не диктует человеку, что именно и как творить. Таким образом, смысл евангельского мифа о блудном сыне, выступающий как духовное содержание и некая онтологическая данность, разворачивается и в первоначальном тексте и в тексте, созданном художником слова.

Многоуровневый, многосторонний диалог составляет главный смысл творчества Тимура Кибирова и вычитывается читателем в структуре произведения. В нашем случае речь идет и о диалоге межтекстовом. Новаторство произведения современного поэта проявляется именно в , текстуальном диалогеї, который включает в себя актуализацию общего, , вечногої смысла (библейский образ истинной жертвенной любви) и актуальных смыслов своего времени (современные образы младшего и старшего сыновей). Мотив блудного сына как смысловой инвариант актуализируется и возрождается каждый раз в контексте новой эпохи. В памяти культуры он не просто хранится, а живет своей собственной жизнью, рождая тем самым разнообразные модификации формы.

Список литературы

1. **Беглов В. А.** Методологические проблемы современного литературоведения: учебное пособие. Стерлитамак: Стерлитамакская гос. пед. академия им. Зайнаб Бишевой, 2011. 393 с.
2. **Кибиров Т.** , Греко- и римско-кафолические песенки и потешкиї [Электронный ресурс] // Знамя. 2009. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/1/ki5.html> (дата обращения: 25.11.2014).
3. **Немзер А.** Не такие уж мы убогие [Электронный ресурс] // Русская литература в 2009 году. URL: <http://www.vremya.ru/2009/239/10/244500.html> (дата обращения: 25.11.2014).
4. **Чернов А. В.** Архетип , блудного сынаї в русской литературе XIX века // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX вв. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 151-158.
5. **Четина Е. М.** Евангельские образы, сюжеты, мотивы в художественной культуре. Проблемы интерпретаций. М.: Флинта; Наука, 1998. 112 с.
6. **Шатин Ю.** Архетипические мотивы и их трансформация в новой русской литературе // , Вечныеї сюжеты русской литературы: (, блудный сынї и другие). Новосибирск: Ин-т филологии, 1996. С. 29-41.

**MOTIVE OF THE PRODIGAL SON IN THE POETRY OF T. KIBIROV
(BY THE EXAMPLE OF THE BOOK “GRECO- AND ROMAN CATHOLIC SONGS AND FUNS”)**

Sysoeva Ol'ga Alekseevna, Ph. D. in Philology
Far-Eastern State University of Humanities
helgats@yandex.ru

The article is devoted to the creativity of one of the outstanding modern poets Timur Kibirov. The author's strategy of the dialogic relations is considered by the example of the book “Greco- and Roman Catholic songs and funs”. The aim of the research is to identify the peculiarities of functioning of archetypic motive about the prodigal son. It is shown that under the influence of new historical and culturological conditions the new message on the resolution of the ancient conflict of generations is formed.

Key words and phrases: Timur Kibirov; poetics; plot; motive; archetype; prodigal son.

УДК 801.81

Филологические науки

В 2014 году создан Интернет-ресурс, представляющий звукозаписи былин Русского Севера из Фонограмм-архива ИРЛИ. На сайте, предназначенном для облегчения доступа к уникальным звукозаписям для исследователей фольклора и диалектов, дано, наряду с фольклорным, и фонетическое описание материала, приведены иллюстративные звуковые фрагменты, поддающиеся транскрибированию и фонетическому описанию. В статье описаны выявленные фонетические особенности и предложено теоретическое осмысление динамики изменения фонетики диалектов по описанным материалам.

Ключевые слова и фразы: фонетика диалектов; севернорусские говоры; былины русского Севера; сегментная фонетика; вокализм и консонантизм диалектов.

Тананайко Светлана Олеговна, к. филол. н.
Агафонова Марина Павловна
Санкт-Петербургский государственный университет
stananaiko@mail.ru; m.p.agafonova@yandex.ru

**ФОНЕТИКА БЫЛИН РУССКОГО СЕВЕРА.
ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИЙ ПУШКИНСКОГО ДОМА**

В 2014 году в рамках проекта «Источниковедческий анализ и подготовка звукового аналога “Свода русского фольклора. Былины” (по материалам Фонограмм-архива отдела фольклора ИРЛИ РАН)» был создан Интернет-сайт «Свод русского фольклора. Былины». Звуковой аналог [5]. Основная цель этого сайта – представление классического фольклора в аутентичном виде, в форме звучащей речи – является в то же время одним из приоритетных направлений современной фольклористики.

Миссия проекта состоит в открытии для широкой аудитории бесценных материалов записей русского эпоса, являющихся корпусом уникальных объектов национального культурного наследия. Поскольку живая эпическая традиция (за редкими исключениями) не была зафиксирована в звучащей форме на территории Европы, записи аутентичного исполнения русских былин обладают особым культурным значением как в национальном, так и в общеевропейском масштабе.

Наряду со значимостью для фольклористики, представленные звуковые материалы являются прекрасной иллюстрацией фонетических особенностей севернорусских диалектов, в частности, их проявления в таком традиционном жанре фольклора, как былина, в период с 20-х до 70-х годов XX в.

Севернорусские говоры, распространенные на севере и северо-востоке Европейской части России, а также в ряде областей Сибири, сохранили в своем звуковом строе многие архаические черты, исчезнувшие как в средневеликорусских и южнорусских говорах, так и в литературном языке. Это объясняется и лингвистическими, и экстралингвистическими причинами, связанными с историей освоения и заселения северных земель, а также со спецификой крестьянского хозяйства, крестьянского быта Севера» [6, с. 174].

Существеннейшей характеристикой, присущей севернорусским говорам, является отличный от литературного языка и от говоров других диалектных зон набор фонем. В системе фонем архаического строя северных говоров гласных больше, а согласных меньше, чем в литературном языке, что обусловлено, с одной стороны, сохранением особых фонем на месте этимологического ятя и древнего [o] под восходящим ударением, а с другой стороны, – отсутствием звука [ш':] и наличием одной аффрикаты, как правило, мягкой свистящей [ц'] вместо двух [1].

Фонетическая реализация гласных и согласных, даже общих с литературным языком, отличается в этом языке и в северных диалектах. Гласные реализуются как дифтонги или дифтонгоиды, переднеязычные мягкие свистящие и шипящие согласные реализуются как шепелявые и т.д. [4].